

УДК 391/395

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРОВАНИЙ АВАРЦЕВ-САЛАТАВЦЕВ

Ю. У. Дадаев, Р. И. Сефербеков

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

В статье описываются образы, функции, характеристики и атрибуты мифологических персонажей бывшего пантеона и демонологии аварцев-салатавцев.

The article describes functions, peculiarities and attributes of the Avar-salatavs' pantheon of mythological characters and demonology of the past.

Ключевые слова: мифология; язычество; божества; демоны; аварцы-салатавцы.

Keywords: mythology; pagan; deities demons; Avars-salatavs.

Значительное место в традиционной духовной культуре салатавцев занимали религиозные верования, которые наиболее зримо проявлялись в аграрных культурах, метеорологической магии, календарных и семейно-бытовых обрядах, общественных праздниках и др. Несмотря на многовековое исповедание ислама [1], а до него и христианства [2], влияние идеологии этих монотеистических религий, все же в быту и культуре салатавцев сохранились реликты языческого пантеона и пандемониума. Источником для их реконструкций служат обряды, обычаи, верования, праздники, лексика и фразеология и т.д.

Наиболее древними божествами салатавцев были персонифицируемые солнце («бакъ») и луна («моцI»), которых они олицетворяли в обликах соответственно сестры и брата, матери и сына. Существовали сравнения, связанные с этими светилами: «Бакъ гIадиной яс, моцI гIадиной вас» («Солнцу подобная девушка, луне подобный юноша»). В некоторых селениях (с. Инчха) существовали представления, что луна олицетворялась в облике женщины, это отразилось в сравнении: «МоцI гIан берциной яс» («Подобная луне, красивая девушка»). Солнце будто бы ослепляет человека потому, что она стыдится, когда на нее пристально смотрят, а пятна на луне – «это пощечина от измазанной в тесте руки сестры» (с. Дылым). Молодоженам желали, «чтобы жизнь сложилась такой же ясной и яркой как у солнца и луны!» («МоцIги-бакъги гIан гвангъараб гIумру кьейги!») (с. Инчха).

У салатавцев не сохранилось мифологического персонажа «Мать ветров», бытовавшего у других аварцев и дагестанцев [3]. В то же время о нем сохранились смутные воспоминания, что отразилось в определенной табуации и обрядах. Так, нельзя было ругать ветер за нанесенный ущерб (сорванные крыши, поваленные стога сена и т.п.), ибо его рассматривали в качестве «воли Аллаха» («Аллагъасул гьукму») (с. Зубутли, Инчха). Для того чтобы прекратить сильный ветер, сжигали на огне кусочек курдюка (с. Гуни). Болтунов и врунов называли «ветренный человек» («гьорол чи») (с. Инчха, Зубутли), а шустрых детей – «гьорол гьобо» («ветряная мельница») (Зубутли).

Определенные мифологические представления были связаны и с другими атмосферными явлениями – громом («гьугъай») и молнией («пири»). Повсеместно существовал запрет на употребление в пищу мяса скота, пораженного молнией.

Такие же верования были связаны и с радугой («нур»). Имелись представления, что концы радуги упираются в золото и серебро (с. Дылым), один из концов упирается в могилу праведного человека (с. Зубутли).

Если один конец радуги находился в реке, нельзя было купаться – «заболеешь» (с. Дылым). При виде радуги загадывали желание в надежде, что оно непременно исполнится. Если в момент рождения ребенка на небе появлялась радуга, то родители просили Аллаха обеспечить его счастливой будущей жизнью, также в надежде, что их просьба будет услышана Всевышним (с. Дылым). Если же радуга появлялась в момент смерти какого-либо человека, то повсеместно верили, что он попадет в рай.

С радугой были связаны и определенные аграрные приметы. Если в ней преобладал красный цвет, то считали, что это к засухе, а, если зеленый – к дождям, урожаю (с. Гуни).

В с. Инчха верили, что «в том месте, где появляется радуга, там возникает достаток («баракат»). При виде внезапно появившейся радуги жители этого села говорили: «Рии нахулаб бугеб батайги, хасел бечедоб батайги!» («Чтоб лето было масляное, а осень была богатой!»), «Баракат бугеб батайги!» («Чтобы был достаток!»). В с. Зубутли при виде внезапно появившейся радуги желали себе и окружающим: «Рохалие батайги! Лъик!Алъе батайги!» («Пусть будет к счастью! Пусть будет к добру!»). В с. Дылым в таком случае говорили: «Анкъабго лъик!Алъе батайги!» («Чтоб 7 раз было хорошо!»).

У салатавцев сохранилась вера в «Мать воды» – *Лъел-эбел*. Ее персонифицировали в зоо- и антропоморфном обликах. Эти ипостаси обнаруживались в экстраординарных и бытовых ситуациях. Так, например, при проведении обряда вызова солнца в с. Гуни отправлялись в местность «Хонхо» у камышового озера, где под буковым деревом имелся родничок, в котором водились тонкие водяные черви. Когда шли сильные дожди, брали одного червя из этого родника, наматывали его на палочку и прикрепляли ее к ветвям букового дерева, и дождь будто бы тот час прекращался. Во время засухи, с целью вызова дождя, эту палочку с червем бросали обратно в родник. Эти черви в с. Гуни и назывались *Лъел-эбел*. В с. Гертма «Мать воды» представляли в виде тонких как нитки водяных червей белого и серого цветов. Они водились в стоячей воде, лужах, озере. Когда девушки, отправлявшиеся за сбором съедобных трав (тмин), находили этих червей, то они наматывали их на палочку и проводили ими по волосам, «чтобы косы росли длинными», а также по лицу – «чтобы оно было чистое и красивое». Затем червей бросали обратно в лужу. В с. Хубар полагали, что «Мать воды» водится в родниках у истоков рек. В большинстве же сел считали, что зооморфными ипостасями «Матери воды» являются черви и пиявки. В с. Зубутли «Мать воды» *Лъел эбел* называли *Шушур*. Ее персонифицировали в облике пиявок черного цвета, водящихся в лужах и других водоемах со стоячей водой. Их не убивали. В с. Инчха «Мать воды» представляли в антропоморфном женском облике с двумя косами. Когда пьешь воду, надо было быть осторожным и внимательным, чтобы не проглотить ее детенышей, так как те могли выесть все внутренности человека.

Следует отметить, что в зооморфном облике представляли «Мать воды» и другие аварцы. Так, аварцы-андалальцы с. Шуланиб «Матерью вод» («Лъадал эбел») называли волосатика, обитавшего в стоячих водах [4].

Некоторые мифологические представления салатавцев, связанные с водной стихией, подверглись определенному влиянию мусульманской мифологии. В частности, у них имелись представления о райских гуриях («х!урулг!инзаби»). Их представляли в облике девушек с синими глазами, большими грудями, в белых головных платках («герменди»), в белых же платьях, украшенных красно-синими узорами (с. Зубутли). Помимо них, в соответствии с верованиями народа, в обитателей рая превращались молодые люди – уопленники, тела которых не находили. Их приравнивали к «газиям» («воителям за веру»), «шагьидам» («павшим за веру»), «малаикам» (ангелам). Если утонувшим был юноша, его называли *лъел гъазияв* («водный ангел»), а если девушка – *лъел гъазияй* («водный ангел-девушка»). На том свете безвременно умерший (особенно насильственной смертью) холостой парень вступал в брак с «х!урулг!ин» («гурией») (с. Инчха), а девушку в раю ждал жених.

Такому же влиянию мусульманской религии подверглись представления салатавцев о горных духах, патронах диких животных и охоты *Будулаал* [5]. В соответствии с верованиями салатавцев, *Будулаал* обитают в горах. В с. Зубутли считали, что эти персонажи обитают в скалистой местности «*Будалазул свери*» («Поворот *Будалаал*»). Когда путники поднимались на эту местность и спускались с нее, они останавливались и, обращаясь к духам гор, читали следующую молитву («дуг!а»):

Будулаал, амбияал, авлиял!
Аллагъ, къе баракат, бечедлъи къе!
Хъизан хъихъе, балагъал нахъ ч!вай!

Будулаал, амбияал, авлиял!
Аллах дай благодати, богатства дай!
Семью прокорми, беды забери!

Персонификацией божества дождя у салатавцев, так же как и у других аварцев [6], был ряженный *ц!адул х!ама* («дождевой осел») – мужчина или женщина, обряженные в ветви ивы («риц!»). Его водили по селу, где хозяйки обливали его водой. В с. Гуни обряд с ряженным проводили вплоть до 60-х гг. XX в. В наши дни во время засухи с целью вызова дождя жители этого села идут к святым местам в местности «Гулгум». Если по пути попадался ручей, то в него бросают камешки таким образом, чтобы брызги окатывали участников обряда. У святого места под руководством местного *дибира* проводят обряд «зикр». Затем здесь режут скот, а из мяса варят суп. Им угощаются все участники обряда. В прошлом после завершения обряда варили ритуальное блюдо «мугъ» из смеси злаковых и бобовых культур с сушеным мясом и раздавали его всем сельчанам. В с. Гертма ряженного мальчика называли «лъел т!амах» («водяной лист»). После обхода вместе с другими участниками обряда всех дворов села, ряженный взбирался на священную гору «Тулпари гох!», и после этого будто бы сразу шел дождь.

Были и другие приемы метеорологической магии. Так, в с. Гуни для вызова дождя в яму с водой клали конский череп, что, возможно, является отголоском принесения в жертву божеству водной стихии коня. В с. Гертма череп жеребца, с написанными на нем *аятами* из Корана, клали в воду реки Сулак. Помимо этого в этом селении был и другой прием вызова дождя – выкапывали кости из старых (немусульманских) могил и вытаскивали их наружу. В с. Хубар мальчика-ряженого окутывали листьями кувшинки («лъел тIамах»). При обходе дворов села его сопровождали женщины и подростки, которые напевали ритуальную песенку следующего содержания:

Я, Аллагъ, цIад байги,
ЦIал-цIал бахъун магъилъе мегъ,
Мегъалда щуцайги
ЦIоб-ЦIобалда бихъбайги!

Дай, Аллах, чтоб дождь пошел,
Ливнями на поля, окропив поля,
Чтоб милость с милостью сошлась!

В с. Зубутли ряженым *цIадул хIама* был мальчик 13–14 лет, которого рядили в траву и листья лопуха. Взрослые и дети водили ряженого по дворам, где его обливали водой. При этом также исполнялась песенка следующего содержания:

Я, Аллагъ, цIад баги,
ЦIобал гIатIадав Аллагъ,
Зодисан рахIмат къеги,
ГIодосан баркат къеги!

Дай, Аллах, чтоб пролился дождь,
Аллах, располагающий большой милостью,
С неба благодать пусть даст,
Снизу (земля) изобилие пусть даст!

Интересно отметить, что ряженный, участвовавший в выступлении канатоходцев, в этом селе назывался *думай*, что является явным заимствованием у северных кумыков [7].

Наряду с обрядами по вызыванию солнца у салатавцев бытовали обряды по вызыванию солнца во время ливней, затяжных дождей и града. Для приостановки града повсеместно во дворе устанавливали топор острием вверх, треножник («хъагикI махх») ножками вверх. Чтобы прекратить град, во двор посылали девочек без головного убора (с. Зубутли). В качестве превентивной меры для предотвращения выпадения града по всему периметру села, в укромных местах клали особые дощечки *къапал*, на которых раскаленным гвоздем выжигали суры из Корана. Подобные дощечки для предотвращения града применяли и андалальцы [8].

Как и у других аварцев [9], у салатавцев сохранилась вера в общеаварские божества *ЦIоба* и *Бечед*, что отразилось в лексике и фразеологии. По мнению старожил, «*Бечед* – это одно из имен *Аллаха*». Существуют поговорки: «*Бичас* бичан батани!» («Если *Бечед* разрешит!»), «*Бичас* биччани, *Аллагъяс* хъван батани!» («Если *Бечед* разрешит, а *Аллах* предпринимет, то это случится!»). Следует обратить внимание, что во второй поговорке вместе встречаются имена языческого бога *Бечед* и мусульманского *Аллаха*. Имя же верховного бога *ЦIоба* трансформировалось в понятие «божья милость», что отразилось в поговорке: «*Аллагъяс* *ЦIоб* лъеги!» («*Аллаха* божья милость»). Обычно именами этих божеств не проклинали. Но иногда доведенные до крайности люди призывали силу этих божеств, что отразилось в проклятиях: «*Бичас* бичагеги!» («Чтобы *Бечед* не разрешил!»), «*Аллагъяс* *ЦIоб* лъогеги!» («Чтобы *Аллах* лишил милости!»).

У салатавцев бытовала также вера в персонажи низшей мифологии. Они верили, что в каждом доме обитает *КъочIол борохъ* («Фундаментная змея»). По словам людей, видевших ее, она серого цвета, в локоть длиной (с. Инчха). Эту змею ни при каких обстоятельствах не убивали – «непоздоровится домочадцам». С ее существованием в доме связывали наличие благодати и достатка («баракат») (с. Гертма). Интересно отметить, что в повседневной жизни название *КъорчIо борохъ* имело негативный оттенок. Этим словом обзывали сплетниц (с. Дылым) и непослушных, не уважающих своих родителей детей (с. Инчха).

У салатавцев бытовала вера в домового, которого они называли *ХъегIел* (с. Инчха) // *ХъегIело* (повсеместно) // *ХъегIеро* (с. Зубутли). По описаниям людей, имевших контакт с домовым, он тяжелый, волосатый, пушистый, как кошка (с. Хубар), мягкий, гладкий (с. Зубутли). Домовой невидим и безмолвен. У него нет левой (с. Инчха) ноздри (с. Хубар, Зубутли). В с. Зубутли считали, что он имеет антропоморфный облик. Локусы его обитания – водоемы, мельница. Дом служил местом его контакта с человеком, поэтому домовым этого демона можно называть условно. Откуда он появляется – неизвестно (с. Зубутли). Он проникал в дом в ночное время суток, обычно через окна и двери (с. Зубутли), но мог просочиться в комнату через любую, даже самую маленькую щель (с. Дылым). Проникнув в дом, он наваливался на человека и давил его, парализуя и сковывая все его тело, когда тот спал один, лежа на спине. Бывали случаи, когда он наваливался на человека, который спал не один (с. Инчха). В с. Дылым считали, что домовый наваливается на всех без разбору, а в с. Инчха

полагали, что беременных и детей он не трогает. В с. Зубутли считали, что *ХъегIеро* наваливается в основном на хороших людей без различия пола. В с. Дылым верили, что домового *Аллах* насылает на грешников как наказание.

ХъегIел ложился на человека сверху, точно соприкасаясь своим телом со всеми его частями (с. Инчха). Вследствие того, что у домового одна ноздря, человек имел возможность дышать второй ноздрей. В противном случае, говорят, домовый передумал бы весь род людской (с. Зубутли). После того, как домовый наваливался на человека и душил его, у последнего во всем теле чувствовалась большая усталость как после выполнения тяжелой работы (с. Гертма).

У домового имелись чудесные предметы – посох («гIанса») (с. Гертма), золотой посох («меседил гIанса») (с. Хубар) и шапка («тIагъур») (с. Инчха). Этот посох *ХъегIел* якобы оставлял у дверного порога (с. Инчха, Хубар), а шапку будто бы клал на дверную притолоку («нуцIил тIадехъун») (с. Инчха) и лишь затем заходил в комнату к людям. Говорят, что со стороны людей предпринимались попытки похитить эти предметы у домового. Но они, как правило, оказывались безуспешными. Домовой настигал похитителя, отбирал посох или шапку, и бил с размаху по заду или спине человека. Отпечаток его пятерни навсегда оставался на теле человека, и его ничем не возможно было прикрыть (с. Хубар).

Существовали амулеты, талисманы и восходящие к магии слова вербальные формулы, призванные оградить человека от визитов домового. Один из таких приемов можно отнести к категории «ритуальное самоосквернение», так как в этом обряде применялся такой священный для горца продукт, как хлеб, а его действие происходило в отхожем месте. Существовало поверье, что домовый будто бы больше не никогда не придет наваливаться и душить человека, если тот в отхожем месте положит себе в рот кусочек хлеба (сс. Гуни, Инчха, Хубар) и съест его (с. Гертма). В с. Зубутли полагали, что если в таком нечистом месте положить под язык хлеб – «больше не увидишь плохих снов». Аварцы-койсубулинцы остерегались так поступать, ибо считали, что во сне больше не будут сниться умершие близкие родственники [10].

Действенными оберегами от домового считались уложенные под подушку ножницы, нож, кинжал, Коран. Верили также, что он боится произнесенной мусульманской молитвы («дугIа») (с. Зубутли). Повсеместно существовало убеждение, что если прочтешь на ночь перед сном трижды молитву «Къулгъу», то ни *ХъегIело*, ни *шайтIан*, ни другая нечистая сила не посетят человека во сне. Существовало также поверье, что домовый будто бы тотчас исчезает, если человека, которого он давил во сне, тронет и разбудит другой человек. Наш информатор из с. Зубутли Магомедова Патимат поведала нам, что во время первой своей беременности мать предостерегала ее, что к ней ночью может придти домовый («*ХъегIеро* бацIине бегъула» – «*ХъегIеро* придет»), который, как говорят, посещает роженицу до и после родов. И действительно, на пятый или шестой день после родов, когда Патимат спала рядом со своим новорожденным ребенком, *ХъегIеро* навалился на нее, сковал все движения тела, давил и душил ее. После того как ее ребенок заплакал и, размахивая руками, задел домового, тот сполз с нее и исчез. Говорят, что детей он не трогает.

Демон-антагонист рожениц у салатавцев, как и у хунзахцев [11], называется *ХудучI*. Какого облика этот демон – неизвестно, «его никто не видел». Он проникал в жилище ночью через дымоход. Проникнув в него, *ХудучI* крал 3–4-месячный плод (с. Дылым) у беременной женщины во время ее сна. Боли она при этом не чувствует. Потеря плода обнаруживалась утром. Если обнаруживали мазок крови на корыте для замешивания теста, значит, украденный плод был женского пола (сс. Гуни, Гертма, Зубутли), если же следы крови находили на пороге входной двери (сс. Гуни, Зубутли) или топоре (с. Гертма), то плод – мужского пола. В с. Инчха считали, что демон крадет плод только женского пола. Здесь знаком пребывания демона была одна капля крови на пятке правой ноги женщины, у которой украли плод. Существовало поверье, что демон крадет плод не у всяких, а только у добропорядочных и богобоязненных женщин, которые после смерти попадут в рай (сс. Дылым, Гертма, Гуни) и там встретят своих украденных детей (с. Зубутли). В с. Дылым считали, что в раю встретятся все – отец, мать и украденный ребенок. Куда демон уносил украденных детей – неизвестно. В одних селах считали, что после кражи плода его мать в дальнейшем могла иметь детей (с. Гертма), в других – что роды у нее происходили редко (с. Зубутли), а чаще всего она бывала бездетной (повсеместно). По словам старожиллов с. Зубутли, оберегов против этого демона не существовало.

Ведьма у салатавцев, как и у других аварцев, называется *Хъарт* (повсеместно) // *Хъартай* (сс. Инчха, Гертма). Ее представляли в облике одетой в лохмотья старой женщины с распущенными волосами, клыками и когтями. Локусами ее обитания было враждебное, неосвоенное человеком пространство – лес (повсеместно), горы (с. Дылым), пещеры (сс. Гуни, Инчха, Дылым), где она якобы подкарауливала и нападала на людей, а пойманных – глотала (с. Дылым). Ею пугали непослушных детей: «*Хъарт* яцIине йиго!» («*Хъарт* придет»), «*Хъартай* яцIун, мун восун уна» («*Хъартай* придет и заберет тебя»).

В с. Гертма полагали, что под конец жизни в *Хъарт* превращаются женщины, ведущие неправедный образ жизни (безбожницы, гулящие, сварливые). В с. Инчха имелось поверье, что ведьма боится волка.

У салатавцев сохранились отрывочные представления о «Матери болезней» *Унтул-эбел*. По рассказам, она приходила в мужском или женском облике к больному человеку и надо-едала ему своими разговорами. Появлялась «Мать болезней» в основном у хороших людей (с. Гуни). По верованиям жителей с. Зубутли, «Мать болезней» могла напустить болезни, а могла и исцелить больных. Это обстоятельство дало М.Р. Халидовой основание считать, что изначально этот дух был добрым [12].

Салатавцы верили и в существование *Бакъараб рухI* («Голодный дух»). В него будто бы превращалась душа умершего, по которому его близкие и родственники не раздали положенную по обычаю милостыню («садакъ»). По описаниям очевидцев, якобы сталкивавшихся с ним, он высотой от земли до неба (с. Дылым), является людям во сне и просит, чтобы его покормили (с. Инчха). О его существовании судили и по звукам, которые он будто бы издавал – «цIи-цIи» (с. Дылым, Инчха) или же наподобие птичьего чириканья (с. Зубутли), что являлось своеобразным напоминанием раздачи милостыни. В четверг вечером и в пятницу до полудня (сакральное для мусульман время) для насыщения душ умерших раздавали в качестве «садакъ» лепешки, обмазанные сверху жиром или маслом («панкъ») (с. Зубутли). Перед послеобеденным намазом («бакъанил как»), особенно в четверг, сжигали на сковородке бараний жир, чтобы его запахом насытились голодные духи (с. Гуни). Кроме того, перед приемом пищи на поминках было принято произносить следующую молитвенную формулу: «Пусть насытятся души умерших предков» («Хваразул рухIалье цвайги!»).

У салатавцев в формуле запугивания детей («*БогIо* бацIунеб буго!» – «*БогIо* придет!») сохранились мифологические представления о персонаже *БогIо*, который представлялся им в зооморфном облике зайца, лисы, волка, медведя (с. Инчха). Интересно отметить, что этот персонаж также сохранился в формуле запугивания детей и у других аварцев – хунзахцев и турутлинцев с. Заната (*БогIоло*), ботлихцев сс. Шодрода, Рахата, Хелетури (*БохIо*), ахвахцев (*Бо*, *БогIочIо*), а также у табасаранцев (*Буьгь*, *Буьгьу*) и лезгин (*Буьгьу*). Ахвахцы представляли этот персонаж с большими глазами и рогами [13]. Табасаранцы его не идентифицировали. Зато у лезгин *Буьгьу* рисовался в антропоморфном облике, но с большими рогами, ушами и хвостом [14]. Сходство по созвучию наименования, облику и ситуации (запугивание детей) у различных субэтносов и этнических групп аварцев, а также у лезгин и табасаранцев позволяет предположить существование в прошлом единого мифологического образа прадагестанской этноязыковой общности [15].

Как и у других мусульман, у салатавцев имелись представления о джиннах («жен» – ед. ч., «жундул» – мн.ч.) и шайтане («шайтIан»), которых они не различали. Существовало мнение, что джинны сильнее шайтана (с. Инчха) и что имеются мусульманские («бусурман») и христианские («капур») джинны. «Бусурман жундул» помогают людям, а «капур жундул» всячески вредят. Время разгула нечистой силы – темное время суток (сумерки, вечер, ночь). В их мире все перевернуто: когда у нас ночь, у них день. Они подобны людям, мужского и женского пола. Иногда слышно, как они играют свадьбы, танцуют. Если в это время мимо них проходит путник, они завлекали его в танцевальный круг и заставляли танцевать до изнеможения. Обычно они невидимы. Но когда они являются человеку, их можно распознать по пылающему кресту на лице, коже наподобие чешуи и глазам, имеющим крестообразный разрез. Ходят они вразвалку, переваливаясь с одной ноги на другую. Они могут принимать облик человека, к которому подходят с тем, чтобы навредить ему. Шайтаны подобны людям, живут в своих селениях (с. Зубутли). Локусы их обитания – места выброса нечистот, свалки мусора, берега рек. Они также водятся на мельнице и в хлеву. Детям в сумерках не разрешали подходить к навозной куче, ибо существовало поверье, что там обитают шайтаны (с. Инчха). В каждом селении были местности, которые традиционно считали локусами обитания нечистой силы. Так, в с. Инчха местами их обитания считались местность «Саляхъ-кутан» и пещера «Зубайри» в 2 км к западу от селения в горах. В с. Зубутли это были местность «Чатиргъун» и горы в районе с. Буртунай.

Джинны и шайтан могли иметь свои места обитания и в жилище человека. Так, например, Магомедова Патимат из с. Зубутли рассказывает, что однажды в детстве она спала у себя в доме, прижавшись к своей матери. Вдруг кто-то разбудил ее, тронув топорищем, и сказал: «Освободи мое место». По его необычному виду и физическим аномалиям Патимат догадалась, что это был шайтан. Оказывается, девочка спала на том месте, где обитал шайтан.

Злые джинны и шайтан всячески вредят людям. Они заводят человека в непроходимые места, в чащобу леса, к обрыву.

Когда ночью выливаешь во двор воду, надо было читать «Къулгъу», ибо в противном случае существовала опасность окатить водой невидимых для человека джинна и шайтана, которые могли отомстить ему за это, например, дав пощечину. О человеке, у которого был паралич лица, говорили: «Женалъ хъат къабун» («Джинн ударил»). Чтобы излечить человека от этого недуга, ударяли его по другой щеке.

По народным представлениям, оберегами от нечистой силы служили положенные под подушку кусочек хлеба и нож (с. Инчха). В с. Зубутли, наоборот, считали, что нож нельзя использовать как оберег – «джинны и шайтан этим ножом могут тебя же зарезать». Имелось поверье, что нечистая сила боится серы (с. Зубутли). Магическими вербальными оберегами против нечистой силы служили мусульманские молитвы («дугIа»), и в частности – «Къулгъу». Интересно отметить, что в с. Зубутли существовало поверье: «Если ты испугался джиннов и шайтана, надо бежать на кладбище, там тебя никто не тронет. На кладбище нечистой силы не бывает».

Некоторые охранительные обряды, направленные на защиту человека от нечистой силы, были связаны у салатавцев с приемом гостя. Когда гость ночью входил в кунацкую, он, обращаясь к шайтанам, должен был сказать: «Мунго дуцаго» («Ты сам себя»). После произнесения этих слов джинны и шайтан будто бы не подходят к людям. Долгожданный гость, войдя в жилище кунака, должен был 7 раз слева направо провести по земле угольком круг, читая «дугIа». После этого обряда злые духи якобы гостя не видят, а он их видит. Этот обряд назывался «Гор свери» («Круг провести») (с. Зубутли).

Таким образом, представленная картина демонстрирует богатство и многообразие мифологических персонажей былого языческого пантеона и пандемониума салатавцев. Дальнейшее их изучение перспективно в плане воссоздания более целостной картины религиозных верований и традиционной духовной культуры всех аварцев и дагестанцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шихсаидов А.Р. Распространение ислама в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001. С. 4, 29.
2. Атаев Д.М. Христианские древности Аварии // Учен. зап. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1958. Т. 4. С. 161–182; Тахнаева П.И. Христианская культура средневековой Аварии в контексте реконструкции политической истории (VII–XVI вв.). Махачкала, 2004.
3. Сефербеков Р.И. О персонификации ветра у народов Дагестана // Вестн. Ин-та истории, археологии и этнографии. 2005. № 3. С. 102–106.
4. Халидова М.Р. Устное народное творчество аварцев / под ред. Г.Г. Гамзатова. Махачкала, 2004. С. 20.
5. Гаджиханов Я.К., Сефербеков Р.И. Боги охоты у аварцев // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 4. С. 83–84.
6. Сефербеков Р.И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология, характеристика, персонификация). Махачкала, 2009. С. 255–262.
7. Гаджиева С.Ш. Кумыки: историческое прошлое, культура и быт: в 2 кн. Махачкала, 2005. Кн. 2. С. 265.
8. Сефербеков Р.И. Языческие боги и демоны аварцев-андалальцев // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 54.
9. Сефербеков Р.И. Верховные боги (-громовержцы) народов Дагестана // Вестн. Ин-та истории, археологии и этнографии. 2005. № 4. С. 66–70.
10. Алиев М.О., Сефербеков Р.И. Мифологические персонажи аварцев-койсубулинцев // Обозреватель – Observer. М., 2007. № 12. С. 114.
11. Сефербеков Р.И., Шигабудинов Д.М. Мифологические персонажи традиционных верований аварцев-хунзахцев. Махачкала, 2006. С. 108.
12. Халидова М.Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992. С. 123.
13. Сефербеков Р.И. Мифологические персонажи традиционных верований ахвахцев // Вестн. Ин-та истории, археологии и этнографии. 2008. № 4. С. 144.
14. Гаджиев Г.А. Мифические персонажи и их названия у лезгин // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала, 1984. С. 86.
15. Сефербеков Р.И. О роли этногенетических процессов в формировании пантеона и пандемониума дагестанцев // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 2002–2003 гг.: тез. докл. СПб., 2003. С. 77–78.

Информаторы: Абдулбасирова Зубайрат Айтемировна, 1938 г.р. с. Гуни; Бартыханова Нургат Устархановна, 1930 г.р., с. Инчха; Дадаева Айшат Ахмадулаевна, 1944 г.р., с. Гертма; Магомедова Патимат Расуловна, 1939 г.р., с. Зубутли-Миатли; Муталибов Багавдин Салатгереевич, 1951 г.р., с. Хубар; Шихсаидова Патимат Мамайхановна, 1928 г.р., с. Дылым.

Поступила в редакцию 11.03.2012 г.
Принята к печати 26.06.2012 г.